

Главный конструктор — испытание на прочность. (из дневника)

16 февраля 1981 г. понедельник

Сегодня, впервые с момента организации лаборатории, состоялось лабораторное собрание. После обеденного перерыва в 16:00 в нашей комнате собралась вся лаборатория.

Присутствовал и Юсиф Кулиев.

Курьянов начал собрание с рассказа о корабле «Мстислав Келдыш», который он видел в Калининграде. Рассказ был долгим и повторял доклад на ученом Совете А.С.Монина, о чем я сказал Курьянову: «Да на Совете все присутствовали». Поэтому первая половина собрания была скучной, хотя все поняли, что Курьянов с Бреховских не видит проблем в строительстве еще двух судов для «акустики».

Закончив с судном, он объявил, что хочет рассказать о планах лаборатории и сообщил основные направления, куда будут направлены силы лаборатории:

1. Теория

- Исследование механизма генерации шумов океана;
- Измерение статических свойств шумов;
- Модель предсказания шумов;
- Определение свойств шумов и среды.

2. Развитие средств

- Донные станции;
- Антенны глубоководные;
- Медленно погружающиеся станции;
- Буи нейтральной плавучести;
- Гидроакустическая связь;
- Акустическая голография;
- Передача многоканальной информации от датчиков системы;
- Высокочастотные шумы океана — решение проблемы Дманда.

Хочу сказать, что Курьянов всегда отличался тем, что в постановке задач даже на год он набирал такой объем работ, что хватило бы на Институт, а в результате через год все оставалось лишь желанием.

Я спросил его — «как планируется распределение сил в связи с изложенным планом?».

Он ответил, что сейчас наступает время, когда уже нельзя жить в долг, надо давать результаты, иначе будет «очень плохо и нас разгонят». Я кинул реплику, что инженеры через несколько месяцев дадут результат конкретный, а вот готовы ли теоретики? И нас не разгонят, имея ввиду инженерную группу - такой опыт и такой коллектив Институту нужен

Курьянов продолжал. Он говорит, что в экспедиции (июнь — август) станция будет работать и даст результаты, а затем следует всем заниматься теорией — кому программирование, кому акустической голографией и т.д.. То есть, он не видит дальнейшей жизни инженерной группы.

Я понял, что он окончательно решил встать в позицию и разбить с трудом созданную и эффективно работающую группу и подчинить всех себе и только своим интересам.

Я вступил в полемику и спросил: «А если кто не захочет или не сможет переучиваться на акустика, тогда как?».

- Ну всегда можно найти компромисс — ответил КУРЬЯНОВ

- Да, можно – говорю я ему - и тот, кто окажется слабее в теории, всегда будет затыкать все дыры и подметать полы или же высококвалифицированный инженер будет программистом, хотя это квалификация выпускницы средней школы.

- Это ты говоришь о себе – заметил Курьянов. Это был прокол, потому что сильнее меня не было в лаборатории ни программиста ни электронщика.

А ты, брат, не так уж и умен, подумал я, а в слух сказал:

- Нет, не о себе. Я беспокоюсь прежде всего о тех, за кого отвечаю. Скажи пожалуйста, Борь, когда создавалась инженерная группа людей принимали на работу им говорили, что они должны переучиваться на акустиков? Нет! Их брали как классных инженеров. Так какой же смысл делать из них пацанов? Ведь при такой постановке вопроса они всегда останутся пацанами – не успел углубиться в одну область знаний, раз, пожалуйста переучивайся. С живым материалом так не работают. Сейчас не правильно разбивать коллектив, который впервые в практике Института создал автономную донную станцию. Убежден, что это направление будет развиваться и всегда будут требоваться новые решения.

- Так, что ты хочешь сказать, если станции нужны для Института, то может такое подразделение нужно у Ястребова? – спросил Курьянов, хотя знал заранее мой ответ, так как я говорил ему не раз, что нельзя «..распылять силы, а необходимо их концентрировать, отказавшись от местничества».

- Да. Глобально именно так – ответил я и еще раз пояснил почему я так считаю..

- Мы сейчас с тобой разговариваем как враги – вдруг почему то заявил он. Хотя понятно почему - если лаборатория не останется у него, то враг, конечно. Но я не хочу и не строю планы разбежаться. Техническая группа выросла до лаборатории и по численности и по выдаваемым, а тем более ожидаемым результатам. И это основная причина беспокойства Курьянова.

- Хорошо, я умолкаю – сказал я примирительно, а мысли не дают покоя. Живет только для себя и циничен к людям. Чужой труд не ценит и ставит человека под удар («.. все работайте на меня или будет плохо..»).

Он, наверное, смотрит на меня или как на невежду или как на опасную силу. Если он хочет замкнуть все в своей лаборатории, то я – продолжить со своей командой работы по созданию донных станций. Кто знал, что так будут развиваться события, а то надо было сразу ставить вопрос о создании группы вне лаборатории или не соглашаться на главного конструктора.

Собрание подходило к концу. Курьянов, чтоб подтвердить, что он здесь начальник, стал высказывать претензии:

- Вот, - говорит он, - мы забарахлили, а вы знаете как смотрит на это начальство, когда на каждого сотрудника приходится по несколько десятков тысяч рублей оборудования? А вот там, стоят два цветных телевизора”.

- Виталий Алексеевич, - обратился я к материально ответственному (Пашков?), - сколько у нас телевизоров?

- Один – последовал краткий ответ.

- Надо считать, наверное, не телевизоры, а вычислительные машины, - достаточно спокойно но несколько раздраженно продолжал я, - Одна ИВК2 стоит 200 тыс. руб., а тут еще валютная на 130 тыс. долларов, да еще штук пять микро ЭВМ «электроник 60» и все на три научных сотрудника.

В конце Курьянов повторил свое требование, чтобы **каждый** ему принес индивидуальный план работ. Это явный шаг выбить из под меня группу. Не знает как, но очень хочет власти.

После собрания ко мне стали подходить ребята и каждый по своему реагировал на события: «..слишком резко ты ставил вопрос, категорично..», «Чего вдруг он?», «Теперь понятно..», «Ну вот, а всё старались.».

Когда мы остались с Никифоровым наедине, я ему сказал, что завтра пойду с Курьяновым поговорю, а затем пойду к Бреховских выяснять статус группы.. Если сохранен, то будем работать спокойно, если нет — будем думать.

Я, действительно, впервые публично не поддержал Курьянова. Это, видимо, вывело его из себя, но хоть ситуация прояснилась.

17 февраля 1981 г. вторник

После вчерашнего собрания ничего не могу делать, ни писать диссертацию, ни работать над заявкой. Единственное, что отвлекает — это работа с ЭВМ. Начал изучать ИВК2.

Позвонил по местному Курьянову. Он сказал, что сейчас с Борей Клячиным обсуждает статью, а потом он готов. Через некоторое время я стал подниматься к нему. Подхожу к лифту и мы с ним встречаемся — он шел ко мне. Решили подняться в его кабинет.

Я сказал, что желаю поговорить с Бреховских и выяснить — сохранен ли статус группы и главного конструктора, а если сохранен, то на этом этапе я несу полностью ответственность за инженерно — конструкторскую группу.

Я еще раз сказал о своей позиции по отношению к проводимым работам, что нельзя разбивать работоспособный коллектив, а его отношение к людям недостойно и цинично.

Курьянов ответил, что специально спровоцировал этот разговор и что я слышу все не так, как он говорит. На мое заявление, что цель его на собрании ослабить мой авторитет и руководство, он, в общем то, согласился, ответив отведя глаза: «Да, по-видимому, нет»

- Да, по-видимому, ДА! Боря. — он не возразил.

На мое желание пойти к Бреховских, Курьянов сказал, что готов сам договориться о встрече.

Не желая выглядеть кляузником, я предложил ему присутствовать при разговоре с самого начала. Единственная просьба не встречать пока я все не изложу.

«Хорошо.» — ответил он и мы разошлись.

На следующий день мы встретились у Бреховских. Не успел я сесть в предложенное мне кресло, как Курьянов начал излагать свое видение состояние дел в лаборатории, вплоть до того, что он готов пойти работать старшим научным сотрудником. Это был мерзкий и хорошо продуманный ход. Кто даст в обиду курицу, несущую золотые яйца? Кто будет переводить начальника лаборатории в старшие научные сотрудники? Что за чушь? И кто эту чушь выдумал — Рубен. Вот и весь расчет. Я молчал и на этой встрече не проронил ни слова.

Так передо мной открылся новый Курьянов и я вспомнил пророческие слова Ястребова В. С.: "Не верь ему".

Когда все разошлись, Бреховских сказал мне, чтобы я был по деликатней с Курьяновым и спокойно работал.

Интересно, как долго. Я тогда не знал, что вся эта затея была возможна из-за сговора Курьянова с моим лучшим другом на тот момент - Никифоровым.